

Ночью неожиданно выпал снег и перед рассветом мир вокруг побелел.

Серебряные ветви, покрытые льдом, окружают двор. Уникальные ручейки застыли и превратились в сверкающий нефрит.

Если люди рождаются в разных сословиях, то в таком случае должен быть такой человек, который рожден, чтобы есть лучшую пищу, пить лучшее вино, носить лучший шелк, жить в лучшем доме, наслаждаться лучшими пейзажами, и развлекаться с лучшими женщинами.

Например Фэн Лун.

Фэн Лун беззаботно и довольно взял кусочек закуски, в которую повар семьи Бай вложил всю душу, и медленно пил сокровище, хранимое семьей Бай длительное время. Говорят, это хорошее столетнее вино. В одежде, которую жена владельца Чжэцзяна лично присылала каждый год в семью Фэн, он взглянул на изысканные оконные перила башни Дуаньсюй, подготовленной специально для высоких гостей семьи Бай, наслаждаясь вчерашним свежевывпавшим снегом.

Только женщины не доставало.

Нет, не доставало. То, о чем он сейчас думает — это не женщина.

— Фэн Цзюнь.

Как только Фэн Лун открыл рот, из-за занавеси тотчас выскочил верзила с квадратным лицом.

— Здесь, — хотя его движения тихие, как у призрака, поведение очень спокойное. Его внезапное появление не выдало ни малейшего смятения.

— Члены семьи Бай были здесь?

— Рано утром приходил Бай Можань с двумя сыновьями, увидеть молодого господина. В соответствии с приказом молодого господина, я отказал им в приеме, сказав, что молодой господин был в дороге несколько дней, и сегодня хочет отдохнуть.

Во всем мире не так много гостей, которые могут перегордить путь явившемуся поутру хозяину. Но статус Фэн Луна достиг той степени, когда даже бесцеремонность заставляет проглотить гнев и молча терпеть.

Фэн Лун кивнул, отпил еще один небольшой глоток хорошего вина и похвалил:

— Это вино и впрямь выдержанное, у семьи Бай немало хороших вещей.

Тонкие пальцы играли с изящным бокалом, специально предназначенным для особых гостей семьи Бай; казалось он вызывал у него интерес.

Фэн Цзюнь поклонился и спокойно ждал.

И действительно, очень скоро Фэн Лун отставил бокал в сторону и, повернув к нему голову, произнес:

— Идем!

Он издавна переходил от слов к делу. Фэн Цзюнь прекрасно понимал характер своего

господина и поспешно последовал за ним.

Даже владыка неба не такой пристрастный, как Сун Сянли. Много снега выпало перед башней Дуаньской и, разумеется, перед тихим двориком Бай Шаоцина.

Белый снег подобен прекрасной картине.

Но у Бай Шаоцина не было настроения любоваться снегом. Во дворике было только два человека. Его мать не видела живописного снежного пейзажа, а только чувствовала сильный холод, поэтому он совсем не любил снег.

Кроме того, он сегодня заболел. Больной и бессильный, он не решался сообщить об этом матери, чтобы она не огорчалась.

Поэтому Бай Шаоцин оставался в своей комнате в одиночестве, не имея даже миски с лекарством.

Фэн Лун явился без приглашения. Распахнув дверь в комнату, он с первого взгляда увидел брата Бай Шаоцина, опирающегося на изголовье кровати. Его звездные глаза были полуприкрыты, а лицо покраснелось.

— Заболел?

Нежданный гость заговорил, и Бай Шаоцин замер, открывая глаза.

— Молодой господин Фэн?

Фэн Лун подошел к кровати и посмотрел вниз.

— Что за болезнь? Простуда? — не вникая в причины, три изящных сильных пальца легли на запястье Бай Шаоцина.

Он испугался и отдернул руку, пряча ее под одеяло.

Две пары одинаково ярких глаз встретились в воздухе.

Похоже Бай Шаоцин не хотел связываться с Фэн Луном и избегал его взгляда. Некоторое время Фэн Лун разглядывал его, а затем краешка его губ коснулась легкая улыбка.

— Мне нужна компания, чтобы полюбоваться свежевывавшим снегом, поэтому я специально пришел, чтобы найти тебя. Вчера мы договорились, что ты составишь мне компанию, так почему сегодня ты заболел?

Бай Шаоцин горько усмехнулся.

— Я не занимаюсь боевыми искусствами, где мне сравниться с вами? Я родился слабым, поэтому заболеваю, стоит погоде поменяться. Даже я понимаю, что раздражаю.

— Вот как...

Фэн Лун не знал что и думать, и замолчал. Кто знает, сколько людей из Улинь заставляли отворачиваться и съеживаться в страхе его бездонные темные глаза? Но в данный момент он долго смотрел на Бай Шаоцина, а тот по-прежнему абсолютно неподвижно опирался на

подушку. Глаза смотрели на нос, нос на сердце, а взгляд блуждал по сторонам.

— Вот оно как, — Фэн Лун снова улыбнулся и, повернувшись, подошел к окну. Его взгляд остановился на большом флаге семьи Бай на вершине внутреннего двора вдалеке, и он легко сказал: — Этот гость, по-видимому, тоже слишком раздражающий.

— Уважаемый гость, молодой господин Фэн, Шаоцин не может составить вам компанию. Мне очень жаль...

Фэн Лун вдруг повернулся кругом и холодно усмехнулся:

— Третий молодой господин стоял под снегом всю ночь напролет, чтобы изобразить слабого и больного ученого?

Скрытое намерение было разрушено Фэн Луном. Бай Шаоцин не испугался. Напротив, он улыбнулся, задумчиво глядя на Фэн Луна, и его красивые губы медленно изогнулись.

— У молодого господина Фэна такое увлечение — время от времени подсматривать за хозяевами?

Взгляд, будто видящий все на свете, снова переместился на лицо Бай Шаоцина. На сей раз Фэн Лун смотрел очень, очень внимательно. Его густые черные брови были немного напряжены, а уголки губ не приподняты; как только его улыбка пропадала, это красивое лицо приносило чувство угнетения и удушья.

На сей раз Бай Шаоцин не избегал его взгляда и спокойно посмотрел прямо в глаза Фэн Луна.

Острый, подобно мечу, взгляд встретился с чистыми глазами Бай Шаоцина, и будто застрял в воде — пронзил, но не смог создать волн.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем Фэн Лун отвел взгляд и легонько улыбнулся:

— Я не подсматривал, мне слуги сказали.

У него была такая сердечная улыбка и прекрасные манеры. Пьянящий весенний ветерок подул в низеньком домике.

— Вот как?

— Вчера с первого взгляда в моем сердце родилось восхищение, поэтому я спросил слуг о третьем молодом господине.

И снова эти два слова, которые нельзя назвать ни легкими, ни тяжелыми:

— Вот как?

— Вы устали, я уйду первым.

— Простите, что не провожаю.

Деревянная дверь давно требующая ремонта, снова заскрипела и закрылась за спиной Фэн Луна.

У изголовья кровати Бай Шаоцин закрыл глаза и про себя отсчитал тридцать вдохов. Спустя тридцать вдохов, он медленно и ровно выдохнул, и внезапно его раскрасневшееся лицо посветлело.

Он вытащил спрятанную под одеялом руку.

Неудержимо трясущаяся ладонь сжимала острый нож.

— Этот человек, нельзя с ним связываться. Изумрудный меч мне не заполучить, — сказал себе Бай Шаоцин, поднявшись с кровати. — Нужно немедленно уходить, как можно дальше от него.

Он достал кисть и тушь, торопливо набросал несколько слов, и положил записку на стол. Заранее подготовленный узел с вещами был прочно привязан к его спине, а затем он с беспокойством посмотрел в окно.

Как и следовало ожидать, во дворе с тревогой приближался сообразительный сиреневый силуэт.

Слабая улыбка сорвалась с губ Бай Шаоцина и в его звездных глазах вспыхнуло пламя озорства.

— Вы пришли, но я уже ухожу. Видимо сегодня мне не суждено познакомиться с искусством фехтования Хуашань. Возмутительно, но это из-за пакостника по фамилии Фэн.

Стройная фигура за окном мелькнула и пропала.

Сердце взволнованно, узы любви затянуты.

У кровати больного проще выразить свои чувства, с бесконечной теплотой.

— Бай Шаоцин? — звонкий голос стал тише. Фан Нихон некоторое время стояла за дверью и ждала, прежде чем смело распахнуть дверь. — Я слышала ты болен, я...

Комната оказалась пуста, лишь только витал след неповторимого запаха хозяина.

Фан Нихон поджала губы и вошла внутрь. Ее разочарованные глаза блуждали повсюду и в итоге остановились на столе, где лежало письмо...

"Дева Фан, спасибо, что навестили меня. Но положение Шаоцина невыносимо, опасаясь навредить репутации девушки, я ушел с болезнью.

Наш договор о Хуашане, если дева по-прежнему будет помнить о нем в третьем месяце, Шаоцин лично нанесет визит и поблагодарит за доброту, держа за руки.

И еще: этот дом заброшен круглый год, никто не придет. Если дева не появится, это письмо будет лежать до следующего года, когда Шаоцин вернется и сам заберет."

Почерк твердый, а штрихи гибкие, напоминающие об изящном облике того, кто писал письмо.

Фан Нихон снова посмотрела на письмо, вздохнула и обрадовалась. На сердце было и кисло и сладко. Сладость и горечь, невозможно было описать на что это похоже.

Напрасно вздохнув несколько раз, она обнаружила, что прошло довольно много времени. Зная,

что шисюн в данную минуту, должно быть, ищет ее повсюду в усадьбе семьи Бай, она поспешно спрятала письмо поближе к телу и тихо прикрыла дверь комнаты.

Но она не знала, что болезнь Бай Шаоцина была придумана специально для нее.

Ему нравятся облака.

Облака непредсказуемы, бывают разных цветов. Иногда чисто-белые, как снег, иногда красные, как кровь, иногда как щечки красавицы, наполовину красные, наполовину белые, неразличимые.

Но больше всего он любит темные облака. Чем темнее облако, тем больше ему нравится.

Кто-то научил его любить черный цвет. Черная одежда, черная обувь, и черные облака.

Бай Шаоцин лежал в телеге на куче соломы, тупо глядя на белые облака, плывущие в небе.

Настал уже третий месяц, с тех пор как он покинул семью Бай, зима давно закончилась, и сейчас самый разгар весны. И в этот разгар весны в Улинь продолжали происходить всякие не большие и не маленькие странности.

Не маленькие, потому что обнаруженные в последнее время тела были детьми разных крупных сект. К тому же они умерли от своих же приемов, что заставило секты ощутить себя опозоренными.

Не большие потому, что погибшие не были личностями уровня мастера, а младшими учениками, чья сила совсем незначительна.

Дело становилось крупным и громким. Четыре знатных рода Цзянху больше не могли продолжать скрывать, поэтому им пришлось объявить всему миру: убийца — Бянь Фу.

Но что еще более возмутительно, этот убийца дошел до крайности: в последний раз он заносчиво пометил труп своим именем — Небесная Летучая Мышь.

Летающая с девяти небес летучая мышь, расправляет черные крылья, рассекая облака.

Всевозможные доказательства не принесли пользы семейству Бай, но хотя бы позволили справиться с неприятностями. К счастью, у семьи Бай высокий статус в Цзянху, и Бай Можань сказал, что обязательно даст покойным объяснение, только на время подавив бушующие настроения.

Бай Шаоцин прищурил глаза, глядя в лазурное небо.

В середине третьего месяца он тайком вернулся в семью Бай. Они плохо обращались с его матерью, но с точки зрения жилья, еды и одежды, не были слишком безжалостны. Они также послали двух грубых служанок добавить угля его невидимой матери. Одно только это стоит времени Бай Шаоцина.

Хорошие знакомые знали, что он вернулся, и он прекрасно знал что ему делать за пределами дома Бай, особенно учитывая, что его цингун не сравнится с Бай Можанем. Конечно же, летучие мыши парят с помощью цингун.

Телега вдруг остановилась.

— Молодой господин, пора разделиться. Телега старика направится по этому пути. Если молодой господин желает попасть в Хуашань, нужно идти по той дороге.

— Спасибо, отец. Вот плата, как договаривались, — вытащив из-за пазухи связку медных монет, он бросил ее старику и медленно слез с телеги.

Горы Цан возвышаются в густом лесу. Расчищенная широкая дорога ведет в горы. Недалеко, на возвышенности, стоит величественная арка.

— Роскошно живут, — независимо от того, содержали ли его слова похвалу или сарказм, голос Бай Шаоцина был мягким и приятным.

Он увидел, что от старика с телегой и тени не осталось. Снова оглядевшись по сторонам, его тело вдруг двинулось и промелькнуло в лесу, подобно стреле.

Если подниматься в гору по главной дороге, он будет слишком бросаться в глаза, лучше идти в обход.

Спустя некоторое время после пробежки, внезапно заныли ребра. Бай Шаоцин нахмурился и, задержав дыхание, надавил на рану.

Рана новая, едва содрав верхнюю одежду, можно было увидеть на шелковистой гладкой коже темно-зеленый отпечаток ладони. Бай Шаоцин все еще помнил недоверчивые глаза Ху Яньло, когда он нанес удар. Красивый молодой человек, который только что мягко улыбался, в самом деле применил против него хитрый прием, которому он же накануне и научил его.

— Ты наверное думаешь почему, так ведь? - Бай Шаоцин холодно посмотрел на него и сплюнул полный рот крови.

Он незаурядный человек, который достоин того, чтобы глава Контона передал ему секретные техники школы. Даже когда на него внезапно напали, перед смертью он все равно смог ответить ударом на удар. Не сразу, но со временем он мог бы стать первоклассным мастером Цзянху.

К сожалению, у него уже нет времени.

Бай Шаоцин ответил сам себе:

— Потому что я не люблю, когда на меня давят.

Когда затих звук его голоса, Ху Яньло перестал дышать.

В лесу пели птицы, и ученики школы Хуашань, патрулирующие гору, не заметили приближения Бай Шаоцина. Он пробрался в Хуашань как кролик, его черные глаза проворно обзревали окрестности.

Найти жилье Фан Нихон было несложно, оставить письмо незамеченным несложно, а Фан Нихон еще легче тайком ускользнуть, чтобы встретиться с ним, никому не сказав ни слова.

Что может быть проще, чем договориться с женщиной, которая уже влюбилась?

После короткого пребывания в Хуашане, Бай Шаоцин неторопливо спустился с горы.

После захода солнца, в укромном месте у подножия горы появился столик и гуцинь. Бай Шаоцин спокойно проспал весь день, затем освежился в горном ручье, посмотрел на красные облака за горизонтом и уселся за цинь.

От движения пальца струна задрожала.

Прохладный звук циня поднялся в небо как феникс, расправляющий крылья.

Бай Шаоцин завершил мелодию с торжественным выражением на лице.

Он равнодушно заговорил:

— Ты пришла?

За деревом появилось бледно-голубое сияние, и стройная фигура выступила вперед.

— Как ты узнал, что я здесь?

— Человек, играющий на цине, спокоен. Я услышал как ты наступаешь на сухие ветки.

Фан Нихон сладко улыбнулась.

— Ты очень хорошо играешь.

— Вот как? — Бай Шаоцин улыбнулся. Затем его улыбка погасла и он слегка вздохнул: — К сожалению, соло без партнера нагоняет тоску.

— Я могу быть твоим партнером?

Глаза Бай Шаоцина засияли, подобно звездам. С приятным удивлением он спросил:

— Дева Фан умеет танцевать?

— Нет, — Фан Нихон покачала головой.

— Дева Фан хорошо поет?

— Ха-ха, у меня совсем нет слуха. Едва заслышав как я пою, братья зажимают уши и в панике разбегаются.

Сияющие, подобно звездам глаза немного потемнели:

— Тогда... Дева Фан пошучивает над Шаоцином?

— Мужлан! Всего лишь кислый ученый, а разбирается в танцах и пении, — Фан Нихон топнула ногой со всем девичьем обаянием. — Я стою и слушаю твою игру, разве этого не достаточно? Часто говорят, что найти знатока музыки довольно трудно. У тебя он уже есть, а тебе этого мало?

— Да-да, дева Фан все верно сказала, — на привлекательном лице Бай Шаоцина появилась сконфуженная улыбка. — Ныне люди сетуют, что древняя музыка беспорядочна. Насколько хорошо было бы родиться в древние времена?

Тонкие пальцы снова ущипнули струну, нежный звук заставил кровь закипеть.

— Ах, что хорошего в древних?

— Тогда жил сын Дракона, господин Гуань. Если бы можно было с ним встретиться, разве это не счастье?

— Молодой Чжао и господин Гуань — герои, но в наши дни герои тоже есть повсюду в Цзянху. А как же Фэн Лун, не говоря уж о дедушке семьи Бай? И мой отец, глава Хуашань, тоже герой! — решительно возразила Фан Нихон, усаживаясь рядом с Бай Шаоцином.

— Дева Фан сегодня собирается драться с ученым? — Бай Шаоцин повернулся к ней, оскалил зубы в улыбке и медленно произнес: — В древние времена тетушка Гунсунь* танцевала с мечом, ее грация не имела себе равных во всем мире.

*П/п: 公孫嬋 — gōngsūn dànáng — Тётушка Гунсунь (известная мастер танца с мечом, династия Тан)

Фан Нихон захлопала в ладоши и засмеялась.

— Раз уже речь зашла о танце с мечом, тебе придется признать свое поражение.

Вскочив с земли, она достала меч, и действительно, начала танцевать под звуки циня.

Ее движения плавные и изящные, грациозные, как летящий дракон, неожиданно быстрые и медленные, будто легкая песня и нежный танец таят в себе возможность подавить противника.

Бай Шаоцин изумился и от души улыбнулся, стремительно перебирая кончиками пальцев. Струны задрожали, зазвучали как воинские доспехи.

Раздался странный звук и мелодия закончилась.

Комплекс приемов Хуашань в танце тоже как раз завершился. Звуки циня и фехтовальное искусство так естественно переплелись.

Фан Нихон спрятала сверкающий меч, улыбнулась Бай Шаоцину и довольно произнесла:

— Мой танец и меч могут сравниться с тетушкой Гунсунь?

Бай Шаоцин не ответил, но восхищение в его глазах взволновало Фан Нихон больше всего.

— Дева Фан, ты можешь еще станцевать?

— Конечно.

— Можешь станцевать что-то другое?

Фан Нихон приподняла подбородок.

— Если ты сыграешь другую мелодию, я станцую по-другому.

— Хорошо!

Бай Шаоцин перебрал струны и цинь снова запел.

Сердце Фан Нихон стремилось к победе. Двенадцать мелодий подряд она применила двенадцать приемов меча школы Хуашань. И в заключение тайное знание Хуашань — Беззвучие Ветра.

Звук циня наконец замер.

Бай Шаоцин встал, медленно подошел к Фан Нихон, которая истекала потом, и вынул платок.

— Дева Фан, я покорен, — глаза юноши были ласковыми, как вода.

Фан Нихон уже позабыла, что обиделась на него, и с глупым видом приняла платок.

— Я не являюсь человеком Улинь, и многие правила мне непонятны. Вот только, мне кажется, школы Улинь не позволяют посторонним узнать их техники меча, — слова Бай Шаоциня прозвучали немного смущенно. — Девушка только что танцевала, по-моему это не то, что мне можно было видеть?

Когда Бай Шаоцин ей напомнил, Фан Нихон не удержалась, и мысленно обозвала его скверным.

Плохо дело! Если отец узнает, наказания не избежать...

Но взглянув в лицо ученого Бай Шаоциня, она успокоилась.

— Не беспокойся. Это самые распространенные приемы в Улинь, обычные городские стражи в состоянии повторить пару трюков, где же тут уникальность техники? — уголки губ Фан Нихон слегка приподнялись, обнажая лукавую, как у ребенка улыбку. — Кроме того, искусство меча школы Хуашань не имеет к этому никакого отношения. Я станцевала только один раз, как ты можешь этому научиться? Мой дашисюн настолько талантлив, что потратил больше полумесяца на изучение этого комплекса. Но все равно, никому не говори, что я показала тебе свой танец с мечом, иначе родители будут меня ругать за то, что я валяю дурака, — настойчиво велела она Бай Шаоциню.

Бай Шаоцин кивнул.

— Успокойся, клянусь, что никому не расскажу.

— Угу, я верю тебе.

Уходящее солнце уже закатилось, сияют прекрасные глаза, эти двое становились все ближе и ближе. В бесконечном разуме слова не нужны.

Когда лица почти соприкоснулись, Бай Шаоцин вдруг вздрогнул, будто только сейчас вспомнил о разделении между мужчиной и женщиной.

— Уже поздно. Дева Фан, пожалуйста, вернитесь.

— Я не хочу уходить.

— Так нельзя. Мы одинокие мужчина и женщина, не состоящие в браке, разве так можно? — вздохнул Бай Шаоцин. — Я люблю тебя и уважаю, как я могу запятнать твою репутацию?

Растроганная Фан Нихон долгое время тихо смотрела на него и чуть слышно произнесла: —

Тогда... Что ты можешь мне сказать?

Бай Шаоцин тяжело вздохнул, подошел к гуциню, склонил голову и сжал кулаки.

— Если в будущем у меня будет право жениться на тебе, я, естественно, официально поднимусь на гору с предложением о браке. Если у Бай Шаоцина нет перспектив, пожалуйста, забудьте о том, что сегодня было!

— Тогда... Тогда... — раздалась едва слышные всхлипы. — Тогда я буду ждать.

Спрятав теплый платок в рукав, Фан Нихон подняла меч, пристально посмотрела на спину Бай Шаоцина, развернулась, и ушла.

К сожалению, она слишком торопилась, и не заметила в ясных глазах Бай Шаоцина скрытое удовлетворение от успеха его хитрости.

Через три дня главный ученик школы Хуашань, Чжоу Жувэнь, получил от своего учителя приказ доставить письмо в усадьбу Бай, однако больше не вернулся в Хуашань.

Его тело было обнаружено недалеко от дома Бай, а использованные на нем приемы неожиданно оказались тайным учением школы Хуашань — Беззвучием Ветра. Кроме того, над трупом висела высушенная плоская летучая мышь, и приколотая тонкой золоченой иглой записка "Небесная Летучая Мышь".

Это дело потрясло всех в Хуашане, и глава школы приказал провести расследование. Фан Нихон была опечалена, но совершенно не подозревала Бай Шаоцина, который вообще не владел боевыми искусствами. И чтобы избежать несправедливых обвинений по отношению к нему, о том, что случилось той ночью, она конечно же никому не сказала.

Дорогие читатели? Вам нравится китайская музыка? Ставьте лайк, если да)

<http://bllate.org/book/15169/1340534>